

Нормоустановительная деятельность государства в интерпретации Н.Н. Алексеева

© Е.А. Куликов

Алтайский государственный университет,
Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются взгляды Н.Н. Алексеева на нормоустановительную деятельность государства. Рассматриваются выделяемые мыслителем виды норм, критерии разграничения норм с условным и безусловным долженствованием. Подчеркивается ценностный характер интерпретации такого деления, присущий работам Н.Н. Алексеева разных лет. Исследуются стихии (сферы) нормоустановительной деятельности – авторская трактовка Н.Н. Алексеевым предмета правового регулирования, дается оценка такой трактовке. Также рассматривается разграничение нормоустановительной и правоустановительной деятельности государства. Н.Н. Алексеев исходит из того, что норма в тесном смысле слова предполагает закрепление определенного долженствования, тогда как правоустановление, не являющееся нормой (мыслитель использует понятие «аттрибутив»), не содержит долженствования, а предоставляет адресату определенные субъективные права. Подобное разграничение проводится мыслителем в ряде работ и исходит из необходимости обоснования идеи права, противоположной идее долженствования, последовательного разграничения правомочия и правообязанности, объективного и субъективного права. Подчеркивается аксиологический и феноменологический характер интерпретации Н.Н. Алексеевым классификации норм, нормоустановительной и правоустановительной деятельности государства.

Ключевые слова: нормотворчество, правомочие, обязанность, предмет правового регулирования, феноменологический подход, Н.Н. Алексеев, правовые ценности

Для цитирования: Куликов Е.А. Нормоустановительная деятельность государства в интерпретации Н.Н. Алексеева // *Социальная компетентность*. 2023. Т. 8. № 1. С. 28–39.

Norm-setting Activity of the State in the Interpretation of N.N. Alekseev

© Egor A. Kulikov

Altai State University,
Barnaul, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the views of N.N. Alekseev on the normative activity of the state. The types of norms highlighted by the thinker, the criteria for distinguishing norms with conditional and unconditional obligation are considered, the value character of the interpretation of such a division inherent in the works of N.N. Alekseev of different years is emphasized. The elements (spheres) of norm-setting activity are investigated – the author's interpretation by N.N. Alekseev of the subject of legal regulation, an assessment of such an interpretation is given. The differentiation of the normative and legal activities of the state is also considered. N.N. Alekseev proceeds from the fact that the norm in the narrow sense of the word implies the consolidation of a certain obligation, whereas the legal establishment, which is not a norm (the thinker uses the concept of “attributive”), does not contain a duty, but provides the addressee with certain subjective rights. Such a distinction is made by the thinker in a number of works and proceeds from the need to substantiate the idea of law, the opposite of the idea of duty, the consistent differentiation of competence and legal obligation, objective and subjective law. The axiological and phenomenological character of N.N. Alekseev's interpretation of the classification of norms, norm-setting and law-setting activities of the state is emphasized.

Keywords: rulemaking, competence, obligation, subject of legal regulation, phenomenological approach, N.N. Alekseev, legal values

For citation: Kulikov E.A. (2023) Norm-setting Activity of the State in the Interpretation of N.N. Alekseev. *Sotsial'naya kompetentnost'* = *Social Competence*. Vol. 8. No. 1. P. 28-39. (In Russ.)

Введение

По краткому и емкому выражению В.С. Нерсисянца, поставившего вопрос о дуализме объектов и единстве предмета

теоретико-юридического знания, «предмет юридической науки – это сущностные свойства права и государства в понятийно-правовом постижении и выражении»

(Нерсесянц, 2008. С. 9). Ученый тем самым хотел показать центральное положение в правовой науке понятия права, и тесную связанность с этим понятием понятия государства, рассматривая право-государственную реальность с точки зрения либертарно-юридического подхода. Надо сказать, что задолго до этого в общем-то не имеющий никакого отношения к либертарной юриспруденции и рассматривающий государственно-правовые явления преимущественно с позиции феноменологического подхода Н.Н. Алексеев (Козлихин, Поляков, Тимошина, 2015. С. 787–799) подобным образом не отрывает правовые и государственные явления в процессе их познания, показывая их неразрывную взаимосвязь, единство и взаимообусловленность (Борщ, 2015. С. 45). Например, при рассмотрении проблем правовой реальности, он отмечает, что «по основному смыслу своему положительное право есть право установленное, историческое, реально существующее или существовавшее, ставшее так или иначе фактом и не могущее не обладать фактическим характером» (Алексеев, 1999. С. 140). Особую важность в связи с этим приобретает рассмотрение деятельности по установлению положительного права, которая есть деятельность государства.

Виды нормоустановительной деятельности государства (виды норм). В работе, преимущественно содержащей проблемы государствоведения, «Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи», Н.Н. Алексеев высказывает свою позицию не только по важнейшим вопросам теории государства, но и затрагивает тесно связанные с ними вопросы теории права. В частности, при рассмотрении организующих начал государственной жизни, он характеризует нормоустановительную деятельность государства, в том числе посредством классификации норм, а также, касаясь сфер приложения этой деятельности, которые можно считать версией его авторского

представления предмета правового регулирования. «Существует два основных принципиально различных способа регулирующей деятельности государства: или через установление обязанностей, то есть через издание норм, или через установление правомочий, то есть через признание и издание особых положений ненормативного характера» (Алексеев, 2003. С. 496). В этом моменте мыслитель продолжает уже ранее высказываемую им идею о различии нормативного и ненормативного правового регулирования через разграничение между правомочиями и обязанностями: только то, что устанавливает обязанности, считается им нормой, то же, что закрепляет права, т. е. признает их, относится к положениям ненормативного характера.

И далее Н.Н. Алексеев декларирует, что, прибегая к регулирующей деятельности нормоустановительного характера, государство, очевидно, может издавать в качестве обязательных любые нормы, какие только вообще можно мыслить, и какие могут существовать в действительности. Но затем он последовательно уточняет, как именно всё же объективно ограничена нормоустановительная деятельность государства. Прежде всего, по мнению мыслителя, нужно озаботиться классификацией норм. «Классификацию норм лучше всего начать с описания того долженствования, которое в них высказывается. Существуют прежде всего нормы, долженствование которых отличается чисто относительным, условным характером, и существуют нормы с безусловным долженствованием. Всего более неоспорим условный характер долженствования в нормах технических. Техническими нормами называют какие-либо нормы, которые направлены на достижение каких-либо относительных целей. Под относительными целями здесь подразумеваются цели случайные, выдвигаемые теми или иными потребностями жизни и не имеющие в виду каких-либо высших ценностей... В технических нормах дело

идёт в конце концов о том, чтобы показать, как удобнее и проще достигнуть известного практического результата. Поэтому содержание таких норм всегда обусловлено соответствующей средой и окружающими обстоятельствами. При одних условиях более применимы одни средства, при других удобнее применять другие... Условность технических норм видна также, когда эти нормы нарушаются. Последствия нарушения норм технических мы называем недосмотром или ошибкой» (Алексеев, 2003. С. 496–497).

Итак, проводя первичную классификацию норм, Н.Н. Алексеев отталкивается от условного или безусловного характера долженствования, заложенного в них. И к наиболее очевидной, первой, так сказать, по условности долженствования, группе он относит нормы технические. Далее он продолжает анализ видов норм и переходит к следующей условно долженствующей их группе. «К техническим нормам очень близко стоят нормы хозяйственные, долженствование которых также обладает характером чисто относительным. Отличие хозяйственных норм от технических сводится к тому, что первые а) имеют дело с целями чисто материальными, б) поставлены перед ограниченностью имеющихся в распоряжении средств, в) принуждены применять средства эти с наименьшей затратой труда. Хозяйственные нормы являются, таким образом, видом технических норм. Они отличаются от технических норм не способом долженствования, а особым принципом при выборе средств, необходимых для достижения поставленных целей. Техника имеет дело только с реальными процессами причинных зависимостей, она учит, как достигается желательный результат по законам природы. Экономика учит, как результат этот достигается наиболее хозяйственным путем, и потому она из разных технических планов выбирает наиболее хозяйственно выгодные. Правила подобного хозяйственного поведения и суть экономические» (Алексеев, 2003. С.

497). Таким образом, Н.Н. Алексеев, с одной стороны, обосновывает специфику и своеобразие хозяйственных норм по отношению к нормам техническим, а с другой – рассматривает первые как особый вид последних.

«Особым видом технических норм являются нормы социальной техники или социального распорядка (иначе нормы административного устройства). Цели их сводятся к устройству в жизни людей удобного и построенного на принципе общей пользы порядка; средствами здесь являются человеческая психика и вытекающее из нее социальное поведение... Нормы разделения труда и организация совместной работы на фабрике суть типичные социально-технические нормы» (Алексеев, 2003. С. 497–498). Получается, что ещё одной разновидностью технических норм Н.Н. Алексеев рассматривает то, что мы бы назвали правилами общежития и организации труда.

Наконец, мыслитель утверждает, что «технические нормы при некоторых условиях могут быть выражены в грамматических суждениях, которые подобны суждениям гипотетическим: если ты хочешь правильно считать (гипотеза), поступай таким-то и таким-то образом (диспозиция). В некоторых случаях они могут обладать и санкцией, например, когда дело идёт о применении их в каких-либо обществах, преследующих определенные, принудительно осуществляемые цели». Здесь мы уже видим, что подобные нормы Н.Н. Алексеев относит к техническим нормам при некоторых условиях, т. е. таковыми они могут быть лишь иногда. Следующую же разновидность он вообще предлагает ограничивать от технических норм, и в качестве критерия указывает на различие между рациональным и иррациональным. Но в общем и целом они относятся ко всё той же группе норм с условным долженствованием. «От технических норм нужно отличать и те, которые можно назвать социально условными или конвенциональными. С тех-

ническими их сближает относительный характер свойственного им долженствования, но отличаются они от технических характером преследуемых ими целей. Технические нормы имеют всегда дело с практическими, утилитарными целями, с интересами удобства и пользы, тогда как в социально условных нормах особую роль играют интересы культурные, бытовые, эстетические, - всё то, что составляет исторический быт данного общества, что соответствует его привычкам и вкусам, его обыденной морали. Поэтому условные нормы, хотя и преследуют некоторую цель, но цель эта рассудочно не выводима и более определяется иррациональными мотивами, чем рациональными» (Алексеев, 2003. С. 498). Эта весьма оригинальная трактовка условных норм косвенно свидетельствует и о понимании их условной ценности, то есть ценности при определенных условиях, в частности, если нормы способствуют достижению их целей, которые, в свою очередь, могут иметь как рациональный, так и иррациональный характер. Уместно здесь упомянуть высказывание А.В. Полякова – современного интерпретатора философии и теории права Н.Н. Алексеева, по мнению которого «социальное правило всегда есть средство социальной коммуникации, средство, управляющее поведением субъектов через текстуально интерпретированные смыслы, имеющие рационально-эмоциональную природу» (Поляков, 2016. С. 669).

В другой, несколько более ранней, работе, Н.Н. Алексеев показывает близость этой разновидности норм к нормам правовым и подчеркивает их по сути переходный характер. «Но существует большое количество подобных норм, предметом которых являются не идеальные и мыслимые только отношения, но чисто реальные возможности. К числу их принадлежат, например, правила языка, правила обхождения с людьми, правила моды, правила различных игр, – словом вся область норм, объединяющихся об-

щим именем правил *конвенционных* или *условных*. Можно назвать также эти нормы *социальными*, ибо основанием их является молчаливое или открытое признание со стороны известной общественной единицы некоторых ценностей» (Алексеев, 1919. С. 48). Надо сказать, что о родственности социальных норм, правил игры, правил языка, правовых норм пишет Л. Витгенштейн (Витгенштейн, 2019. С. 225–226). Н.Н. Алексеев при этом показывает, что в анализируемой разновидности правил наблюдается переход от сферы должного к сфере сущего, а также важность аксиологического подхода при отличии этих норм от чисто технических правил. «Нормы эти регулируют известное направление социального поведения, которое в здоровых условиях представляет собой постоянную, реальную линию человеческих поступков. То, что *должно*, ежедневно и ежечасно становится сущим, возможное и потенциальное постоянно актуализируется... Вопрос об отличиях таких норм от технических – весьма затруднителен, если только не принимать в соображение лежащих в основании их целей и ценностей. Эти последние заключаются в получении максимума пользы, когда дело идет о нормах технических, и в различных духовных преимуществах урегулированного общения, когда дело идет о нормах конвенциональных» (Алексеев, 1919. С. 48). Подобная же мысль выражена Н.Н. Алексеевым и в более ранней работе – «Правовая система есть особый род социальной техники, построенной не на принципе использования, а на признании самооценности личности, начала законности и начала нерушимости правовых институтов» (Алексеев, 1918. С. 119). Налицо последовательность позиции мыслителя, акцентирующего внимание на ценностном характере отдельных предписаний, позволяющем отнести их к социальным и правовым, какими бы по виду техническими они не казались на первый взгляд.

В завершении анализа видов нор-

моустановлений Н.Н. Алексеев переходит к характеристике норм безусловных (продолжая аксиологическую их оценку). «Существуют далее нормы, долженствование которых отличается характером безусловности. Безусловность эта определяется безусловностью целей и соответствующих им ценностей, которым эти нормы служат... В безусловных нормах цель и средство внутренне совпадают: то, что является средством, служит необходимым обнаружением самой цели. Поэтому в безусловных нормах долженствование обладает особым, как иногда говорят, самодовлеющим характером, – иными словами, не вытекает из посторонних мотивов, но как бы с очевидностью вытекает из внутреннего содержания самой нормы. Мы исполняем подобные нормы по внутреннему свойству безусловности, обнаруживаемому в их содержании... Примером безусловных норм являются прежде всего нормы нравственные и религиозные» (Алексеев, 2003. С. 499).

Таким образом, Н.Н. Алексеев подразделяет нормы на нормы с условным и с безусловным долженствованием. Ценность первых состоит в том, что они служат определенным целям как рациональным, так и рациональным, и среди видов таких норм он выделяет технические, хозяйственные, правила общежития и организации труда, а также условно-социальные, которым присуще иррациональное обоснование целей. Ценность безусловных норм содержится в них самих, цель совпадает со средством ее достижения, к такому норму он относит, прежде всего, нормы нравственные и религиозные.

Сферы нормоустановительной деятельности государства. Переходя от классификации норм к описанию предмета правового регулирования, Н.Н. Алексеев высказывает следующее утверждение: «Государство в своей регулирующей деятельности осуществляет все виды нормоустановления. Поэтому, если исходить из идеи нормы, можно различать следующие три стихии государственного

регулирования». И далее речь идет, собственно, об этих стихиях, или сферах.

А). *Технически-экономическая стихия государства.* «В подобных отношениях можно говорить о праве только тогда, когда соответственно технически-хозяйственное регулирование будет ориентироваться не на простом хозяйском интересе, но когда вытекающие из этого последнего обязанности будут ориентироваться на правах соответствующих объектов хозяйственного воздействия, то есть, когда в этих объектах будет признана индивидуальная самооценочность, требующая по отношению к себе применения начала справедливости. Тогда составление и осуществление хозяйственного плана из простой технико-экономической деятельности превратится в ряд публично-правовых актов, которые в современном конституционном праве называется составлением и утверждением бюджета. Потребность в составлении хозяйственного плана проистекает не из правовых интересов, но из соображений технического удобства и целесообразности – соображений, которые заставляют составлять бюджет всякое упорядоченное частное хозяйство, даже семью. И только при наличии особых условий такой технико-экономический план может приобрести юридические определения» (Алексеев, 2003. С. 500).

Б). *Бытовое регулирование.* «Можно сказать, что государство в своей регулирующей деятельности всегда образует некоторую особую стихию быта, которая обнаруживается в весьма различных областях жизненных отношений. Государство... есть прежде всего некоторая технико-экономическая организация, и именно при создании технико-экономических основ своей жизни государство попутно создает известный быт и организует его... Форма, которая в некоторых государствах обязательна для всех чиновников или для некоторых категорий их, с одной стороны, является продуктом известных требований жизни (например,

особое одеяние железнодорожных служащих), с другой стороны – есть производное некоторого, специально культивируемого государством быта. Интересно обратить внимание на то особое взаимодействие, которое устанавливается при этом между чисто стихийным процессом общественной моды и сознательным регулированием условно-бытовых отношений государством... Известным укладом быта проникнуто каждое государственное учреждение в отдельности и вся сумма учреждений данного государства в целом. При сложившихся отношениях особые традиции устанавливаются в отдельных государственных ведомствах, создающих особый корпоративный быт. Но и весь административно-бюрократический аппарат отдельного государства всегда характеризуется особым духом, ему свойственным, который легко бросается в глаза особенно в чужих нам государствах, с непривычными для нас формами отношений... И различия эти вытекают не столько из требований техники, сколько из особо построенных каждым государством форм быта. Эти формы быта как бы вырастают в месторазвитие, составляя с ним некоторое неразрывное целое. Известный, намеренно созданный бытовой уклад пронизывает всю жизнь государства, а не только государственный бюрократический аппарат. Его можно наблюдать везде, начиная с отношений материальных и кончая отношениями чисто духовными. Вообще говоря, нет такой условно-бытовой нормы, которую государство не могло бы признать, взять под свою защиту и сделать обязательной. Государство может сделать обязательным стиль зданий и их окраску, и способ правописания, и даже известные научные теории. Фактически для регламентирующих сил государства в области быта нет никаких границ, хотя с точки зрения практической политики бытовое регулирование не всегда является целесообразным. Особенно осторожно нужно относиться к попыткам бытового регулирования при по-

мощи законов, памятуя, что быт по существу своему есть явление органическое и не поддающееся целиком искусственному переустройству. Быт можно воспитать и вырастить, и регулирующая деятельность государства в области быта бывает только тогда плодотворной, когда она исходит из признания самой органической силы данной культуры» (Алексеев, 2003. С. 502–504).

Данная интерпретация Н.Н. Алексеевым бытовой сферы государственно-правового регулирования наталкивает на ряд соображений. Во-первых, мыслитель указывает на то, что всякое государство регулирует бытовую сферу, во-вторых, что при этом государство создает свой неповторимый и оригинальный образ регулирования этой сферы, в-третьих, государство может регулировать в принципе любые бытовые вопросы, но, в-четвертых, с учетом органического характера бытовой сферы, вмешательство в нее государства всегда будет ограниченным, и гораздо разумнее учитывать в своей нормоустановительной деятельности своеобразие быта данного социума. Кроме того, Н.Н. Алексеев подчеркивает органическую взаимосвязь бытового разнообразия с месторазвитием социума.

В). *Нравственное регулирование.* Даже рассуждая чисто логическим путем, можно определить, что за хозяйственной (техничко-экономической) и бытовой сферами (стихиями) должна следовать духовная сфера, Н.Н. Алексеев здесь называет ее нравственной. «Всякое государство представляет собою также и некоторую нравственную организацию – организацию положительно установленной этики... Нравственная стихия государства проявляется в двух отношениях – в установлении нравственных основ официальной государственной власти и в установлении известного нравственного давления, исходящего от государства и направленного на граждан... Всякая официальная власть, принимая на себя задачи государственного регулирова-

ния, тем самым берет на себя некоторые нравственные обязательства, которые могут быть различны по содержанию, но без которых не может обойтись никакой официальный носитель власти... Все эти и им подобные декларации имеют смысл некоторого самообязывания и самоувещания, так как они не вытекают из какой-либо посторонней воли и не являются какими-либо приказами и велениями. Высшей официальной власти никто не может велеть, ибо тот, кто велел бы, был бы высшей властью. В таком случае этому последнему повелителю никто не мог бы велеть и его декларации имели бы смысл самообязывания и самоувещания. Причем безразлично, о каком верховном носителе власти здесь идёт речь – о монархе, известной коллегии лиц или о всем народе, как голосующем корпусе граждан. Все эти носители власти как высшие подчиняются в итоге самим себе, и если они нечто торжественно провозглашают, то из подобных провозглашений возникает ряд чисто нравственных обязанностей, которые можно формулировать в соответствующих нравственных нормах. Таким образом, если учредительное собрание провозгласило, что все люди равны, это значит, что официальные государственные органы, выбранные на основе конституции, должны в чисто нравственном смысле, не как вынужденные, но как давшие слово, проводить такие законы, которыми было бы обеспечено равенство» (Алексеев, 2003. С. 504-505).

И далее Н.Н. Алексеев переходит к более конкретным вопросам, сравнивая государства старой и новой культуры на основе источника той нравственности, которую они декларируют и нравственно обязуются соблюдать. «И те, и другие основаны на установлении некоторых нравственных принципов, только, с одной стороны, принцип эти – разные, с другой – новые государства стремятся рационально выявить эти принципы, старые же государства просто принимали их в бытовом, всего чаще чисто религиозно-дог-

матическом, иррациональном смысле». Как видим, грань проводит мыслитель через рациональное, и иррациональное, чувственное восприятие исходных нравственных принципов. Далее снова Н.Н. Алексеев обращается к аксиологии. «Изменились, таким образом, нравственные ценности и способ их установления государством. Государство старой культуры не считало ценностью ту индивидуальную свободу отдельной личности, которая граничит с полной оторванностью человека от общественного целого... Новейшее западное человечество основным принципом, который обязывалось охранять государство, поставило принцип «свободы от государства» или полного личного самоопределения. Старое же человечество основной ценностью считало жизнь в одной вере с другими. Эта последняя ценность дана была историческим бытом, новый же человек стремился утвердить свои ценности при помощи индивидуального разума. Поэтому старое государство не декларировало свои ценности, но жило в них, новое западное государство провозгласило их как истины и аксиомы естественного права» (Алексеев, 2003. С. 505–506).

После сопоставления старого и нового взглядов на нравственные ценности государства, на сферу нравственного его регулирования, Н.Н. Алексеев делает общий вывод по этой третьей сфере приложения нормоустановительной деятельности государства. «Выставляя и принимая эти ценностные принципы, государство не только обязывает ими себя, но предъявляет их и к другим. Поэтому государство является организованной нравственностью и в смысле установления целой системы требований, обращенных к гражданам. Измениться может род требований в зависимости от изменения принципов, объём требований может увеличиваться или уменьшаться, но сами они в том или ином виде составляют необходимый элемент всякой государственной организации» (Алексеев, 2003. С.

506). Как пишет Б.В. Назмутдинов, «правовое должностное у Алексеева следует из признания сущего, ценности: если лицо признает «добро» как ценность, оно признает организационные формы (совокупность правил) проявления этого добра – безвозмездное отчуждение собственности, наследование и т. д.; если признает ценность любви, то не допускает принуждения в любви, насильственного сожительства, признает принцип добровольности брака» (Назмутдинов, 2017. С. 199). Такая интерпретация обнаруживает сходство с третьей аксиомой правосознания И.А. Ильина – «в основе всякого правопорядка и государства лежит взаимное духовное признание людей – уважение и доверие их друг к другу» (Ильин, 2003. С. 363).

Таким образом, рассматривая нормоустановительную деятельность государства, Н.Н. Алексеев затрагивает вопрос о предмете правового регулирования, называя это стихиями приложения государственной регулятивной власти. К таковым он относит технически-экономическую сферу, регулирование которой присуще любому государству, поскольку любое государство решает в ходе своей деятельности подобные задачи, бытовую сферу, регулирование которой также присуще любому государству, которая отражает специфику этого государства по сравнению с другими государствами, и которая тесно связана и обусловлена месторазвитием социума, а также нравственную сферу, как область ценностей и принципов, которых государство придерживается как взятых на себя нравственных обязательств. Каждой сфере при этом присуща и собственная специфика, в частности, бытовая сфера нуждается не столько во внешнем искусственном регулировании, сколько в учете своей специфики при организации ее регулирования, нравственная же сфера обретается посредством самообязывания государства не в смысле внешнего к тому принуждения, но в смысле веления к тому долга чести.

Интерпретация Н.Н. Алексеевым правотворческой (правоустановительной) деятельности государства. Рассмотрев сферы (стихии) социальной жизни, требующие нормоустановительной деятельности государства, Н.Н. Алексеев переходит к анализу правоустановительной деятельности государства. «Правоустановительной деятельностью государства мы называем издание таких положений, которые предоставляют тем или иным лицам или коллективам «правомочия» или «права»» (Алексеев, 2003. С. 507). То есть, в отличие от норм, имеющих дело с определенными должностными, правоустановления регламентируют в интерпретации Н.Н. Алексеева сферу дозволенного поведения. Ну и далее он обращает внимание на то, в каких областях права подобные установления предоставительного и управомочивающего характера наиболее распространены. «По смыслу своему предоставления лежат в основе всего так называемого гражданского права – права собственности, договоров, семейного и брачного, наследственного. К предоставленным сводятся все «права свободы» – свободы веры, печати, союзов, собраний и т. д., так же как авторские права, права участия в государственной жизни и права на социальное обеспечение. И в высшей степени произвольно применять ко всем соответствующим законоположениям понятие нормы. Именно подобные законоположения прямо ничего не предписывают и не запрещают. Напротив, они устанавливают прежде всего то, *что можно*, а не то, *что должно*. И только косвенно они подразумевают некоторые запрещения и повеления, касающиеся третьих лиц» (Алексеев, 2003. С. 507). Уже из этого фрагмента можно увидеть логику Н.Н. Алексеева: то, что традиционно относят к сфере дозволенного, предоставленного, к области, то есть, субъективного права, он не связывает с нормированием и указывает на то, что в этом случае речь идет не о нормах, а о правоустановле-

ниях. Далее как раз мы можем увидеть у него критику подхода современной ему (и нам) юридической науки, не разграничивающей нормы и правоустановления, и связанную с этой критикой аргументацию его позиции.

«Современная юридическая теория, за редкими исключениями, не отличает правоустановления от норм и смешивает их в одно целое. Делается это в том предположении, что и нормы, и правоустановления одинаково являются правилами, регулирующими социальную жизнь. Следовательно, норма (как правило) есть высшее понятие, обнимающее собой и правоустановления, которые являются только видом этих норм. При этом упускают из вида, что, хотя правоустановления и можно в известном смысле назвать правилами социального регулирования, однако эти правила и по содержанию своему, и по своим функциям существенно отличаются от тех правил, которые устанавливают должное и могут быть названы нормами в точном смысле этого слова» (Алексеев, 2003. С. 508).

Приведенная логика рассуждений содержится и в других работах Н.Н. Алексеева. Так, в вышедшем примерно в тот же период труде «Религия, право и нравственность», он отмечает: «Но в том, что входит в содержание законов имеются, далее, и такие постановления, которые нельзя признать нормами в подлинном смысле этого слова, т. е. положениями, которые предписывают нечто должное», и далее резюмирует: «Должное составляло область службы возможное и правом предоставленное – область вольностей» (Алексеев, 1930. С. 38–39). Затем, переходя уже к непосредственному анализу прав и обязанностей, Н.Н. Алексеев уточняет приведенную ранее позицию: «Современные, господствующие в области общественных наук, воззрения уделяют очень мало внимания принципиальному различию между законами, устанавливающими права (мы будем называть их предоставительными или атрибутивными

ми) и законами, устанавливающими обязанности (или юридическими нормами в тесном смысле этого слова). Предоставительные законы обычно считают видом «норм», а предоставленные права – известным истечением обязанностей» (Алексеев, 1930. С. 43). Здесь мыслитель ещё и вводит термин «атрибутивы», противопоставляя его юридическим нормам в тесном смысле слова.

Итак, Н.Н. Алексеев выделяет два критерия разграничения норм в собственном смысле и правоустановлений, которые, по его мнению, нормами не являются – это их содержание, и их функции. Он, собственно, и конкретизирует, в чем именно различия по данным критериям состоят. «По содержанию своему правоустановления сводятся к закреплению за какими-либо лицами свободы или мощи в каком-нибудь определенном отношении. Но свобода и мощь отнюдь не совпадают с тем, что называют должным. Когда человек должен, он чувствует себя связанным, не свободным. Когда он свободен, то он, именно, *не должен* – напротив, ему предоставлен выбор поступить несвязанно, исключительно по своему усмотрению. Если собственник имеет право распоряжаться своей вещью, то это отнюдь не означает, что он должен ею распоряжаться. Напротив, он может передать это распоряжение другому, совсем отказаться от распоряжения, выбросив или уничтожив вещь. Правоустановления, следовательно, регулируют деятельность человека в обществе совсем в другом, даже прямо противоположном направлении, чем нормы. Первые развязывают, освобождают, ставя только известные границы свободе; последние – связывают, обязывают, ограничивают и даже в известном направлении прямо отрицают свободу, принуждают человека делать не так, как он хочет, а так, как ему велит долг. Нет ничего более неправильного, как не различать этих двух направлений регулирующей деятельности, подменять одно другим. Такое смешение грозит самой

идее права, которая растворяется в идее обязанности и изгоняется из общественной жизни» (Алексеев, 2003. С. 508). Как верно указывает Ю.И. Скуратов, «одна из важнейших особенностей евразийской концепции государства правды заключена в многостороннем многофакторном анализе феномена взаимодействия субъективного права и правовой обязанности» (Скуратов, 2021. С. 263.).

Позиция Н.Н. Алексеева представляется вполне понятной: акценты он расставляет не на форме установлений, а на их юридическом содержании, производным от которого выступает юридическая форма. Если содержательно в установлении предоставляются права, то оно имеет форму правоустановления, если же содержательно установление предусматривает определенное должествование, то оно имеет форму нормоустановления. Норма оформляет юридическую обязанность, правоустановление оформляет субъективное право. Для сравнения можно привести классическое советское определение нормы права, данное С.С. Алексеевым: «Юридическая норма – это исходящее от социалистического государства и охраняемое им общеобязательное, формально-определенное правило поведения, которое (непосредственно или в сочетании с другими нормами права) предоставляет участникам общественно-отношения данного вида юридические права и налагает на них юридические обязанности» (Алексеев, 2010. С. 198).

Надо сказать, что Н.Н. Алексеев высказывает мысль, что в современной ему правовой науке крайне редко учитывается это различие между правоустановлением и нормоустановлением, и среди тех, кто учитывает это, называет Л.И. Петражицкого и Р. Штаммлера. У Л.И. Петражицкого Н.Н. Алексеев усматривает сходство со своей позицией при выделении им двух систем организации правовыми инструментами социальной жизни – системы «централизованной или планомерной организации» и системы «де-

централизации, системы раздельности и самостоятельности множества отдельных лиц и хозяйств». Первую Л.И. Петражицкий характеризует так: «Здесь все члены общества имели бы право на пропитание и доставление средств удовлетворения других потребностей из общего фонда, на общий счёт, и, с другой стороны, работоспособные обязаны были бы работать на общую пользу, участвовать в общем процессе производства хозяйственных благ с помощью общих орудий производства или исполнять другие порученные им функции в качестве руководителей или подчиненных исполнителей, согласно указаниям других. Вместо самостоятельного действия множества отдельных хозяйств, без какого бы то ни было общего плана и руководства со стороны какой-либо центральной власти здесь имелось бы единое общее хозяйство со сложной единой организацией, с единым планом, руководством и управлением, с единым руководящим и направляющим центром и сложной много-степенной иерархической системой подчиненных органов, с соответствующей правовой регламентацией деятельности центральных и верховных и множества подчиненных органов и т. д.» (Петражицкий, 2000. С. 558). Как видим, здесь описывается подход к социально-правовому регулированию, основанный на должествовании, обязанностях, исполнении которых выступает условием получения определенных прав, что действительно сближает такой взгляд с интерпретацией Н.Н. Алексеевым нормоустановительной деятельности.

В качестве описания второго варианта системы организации социальной жизни мы можем найти у Л.И. Петражицкого, например, следующее: «Существующее право не предписывает субъектам частных хозяйств так устраивать свою жизнь и хозяйство, в частности, так вести производство и так ограничивать потребление, чтобы вверенные им части народного богатства сохранились и увеличивались

и на время после их смерти; напротив, они вольны так устраивать свою жизнь, в частности, так повышать уровень своего потребления, комфорта, удовольствий и т. д., что поглощается не только весь доход, так что нет сбережений и увеличения имущества, но даже и капитал...» (Петражицкий, 2000. С. 553). Речь идет, таким образом, о правопорядке, основанном на доминирующем дозволении. И Л.И. Петражицкий указывает на предполагаемую совершенно иную мотивацию рационального поведения субъектов права, нежели при первом варианте. Для настоящего же исследования достаточно указать на определенное родство между позициями Л.И. Петражицкого и Н.Н. Алексеева, хотя с разных позиций рассматривающих вопрос о должностовании и правопроставлении.

Выводы

Исходя из тесной взаимосвязи государственно-правовых явлений и процессов Н.Н. Алексеев в процессе рассмотрения нормоустановительной деятельности государства затрагивает такие вопросы, как виды норм, которые могут быть созданы государством, а также сферы правового регулирования – финансово-хозяйственную (техничко-экономическую), повсед-

невную (бытовую) и нравственную (область ценностей и принципов). При регулировании этих сфер государство в принципе может формировать любые нормы, но конструктивное и разумное регулирование предполагает учет органического характера развития названных сфер, ориентируясь на который и должна строиться нормоустановительная деятельность государства. Нормоустановления должны вплестаться в ткань сложившихся принципов, обычаев и привычек, в целях наиболее целостного регулирования общественных отношений. Интерес также представляет проводимое Н.Н. Алексеевым разграничение нормоустановительной деятельности, итогом которой выступают нормы, предусматривающие должностования, и правоустановительной деятельности, итогом которой выступают правоустановления (атттрибутивы), предоставляющие адресатам правомочия. Этого различия мыслитель придерживается в работах разных лет, что говорит о его принципиальной в том убежденности. Разграничение норм и атрибутивов может более контрастно увидеть разницу между объективным и субъективным правом, а также между правомочием и правообязанностью.

Список источников / References

Алексеев Н.Н. Введение в изучение права. М.: Издание Московской Просветительной Комиссии, 1918. 187 с.

Alekseev N.N. (1918) Introduction to the study of law. Moscow: Publication of the Moscow Educational Commission. 187 p. (In Russ.).

Алексеев Н.Н. Общее учение о праве (курс лекций, прочитанных в Таврическом университете в 1918-1919 году). Симферополь: Типография Е.К. Брешко-Брешковской, 1919. 161 с.

Alekseev N.N. (1919) The general doctrine of law (a course of lectures delivered at the Tauride University in 1918-1919). Simferopol': Tipografiya E.K. Breshko-Breshkovskoi. 161 p. (In Russ.).

Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб.: Изд-во «Лань», 1999. 256 с.

Alekseev N.N. (1999) Fundamentals of the philosophy of law. Saint Petersburg: Lan'. 256 p. (In Russ.).

Алексеев Н.Н. Религия, право и нравственность. PARIS: YMCA PRESS, 1930. 110 с.

Alekseev N.N. (1930) Religion, law and morality. PARIS: YMCA PRES. 110 p. (In Russ.).

Алексеев Н.Н. Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 2003. С. 387–624.

Alekseev N.N. (2003) The current state of the science of the state and its immediate tasks. *Alekseev N.N. Russkii narod i gosudarstvo = Alekseev N.N. Russian people and state*. Moscow: Agraf. P. 387-624. (In Russ.).

Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Том 3: Проблемы теории права: курс лекций. М.: Статут, 2010. 781 с.

Alekseev S.S. (2010) Collected works. In 10 volumes. Vol. 3: Problems of the theory of law: a course of lectures. Moscow: Statut. 781 p. (In Russ.).

Борщ И.В. Николай Алексеев как философ права: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 168 с.

Borshch I.V. (2015) Nikolai Alekseev as a philosopher of law: monograph. Moscow: Yurлитinform. 168 p. (In Russ.).

Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ, 2019. 352 с.

Vitgenshtein L. (2019) Philosophical research. Moscow: AST. 352 p. (In Russ.).

Ильин И.А. Теория права и государства. М.: Зерцало, 2003. 400 с.

Il'in I.A. (2003) Theory of Law and State. Moscow: Zertsalo. 400 p. (In Russ.).

Козлихин И.Ю., Поляков А.В., Тимошина Е.В. История политических и правовых учений. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2015. 856 с.

Kozlikhin I.Yu., Polyakov A.V., Timoshina E.V. (2015) History of political and legal doctrines. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. 856 p. (In Russ.).

Назмутдинов Б.В. Законы из-за границы: Политико-правовые аспекты классического евразийства: монография. М.: Норма, 2017. 272 с.

Nazmutdinov B.V. (2017) Laws from abroad: Political and legal aspects of classical Eurasianism: monograph. Moscow: Norma. 272 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Куликов Егор Алексеевич,

доцент кафедры уголовного права и криминологии,

к. юр. н., доцент,

Алтайский государственный университет,

656049, г. Барнаул, проспект Ленина, 61,

Российская Федерация,

kulikoveg@yandex.ru

Вклад автора

Автор выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 14.02.2023; одобрена после рецензирования 24.03.2023; принята к публикации 26.03.2023.

Нерсесянца В.С. Проблемы общей теории права и государства. М.: Норма, 2008. 832 с.

Nersesyantsa V.S. (2008) Problems of the general theory of law and state. Moscow: Norma. 832 p. (In Russ.).

Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. 608 с.

Petrazhitskii L.I. (2000) The theory of law and state in connection with the theory of morality. Saint Petersburg: Lan'. 608 p. (In Russ.).

Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. М.: Проспект, 2016. 832 с.

Polyakov A.V. (2016) General Theory of Law: Problems of Interpretation in the Context of the Communicative Approach. Moscow: Prospekt. 832 p. (In Russ.).

Скуратов Ю.И. Евразийская парадигма России и современные проблемы ее конституционно-правового развития: монография. М.: Проспект, 2021. 416 с.

Skuratov Yu.I. (2021) Eurasian paradigm of Russia and modern problems of its constitutional and legal development: monograph. Moscow: Prospekt. 416 p. (In Russ.).

Information about the author

Egor A. Kulikov,

Cand. Sci. (Juridical Sciences), Associate Professor of Criminal Law

and Criminology Department,

Altai State University,

61 Lenin Avenue, Barnaul 656049,

Russian Federation,

kulikoveg@yandex.ru

Contribution of the author

The author performed the research, made a generalization on the basis of the results obtained and prepared the copyright for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of this manuscript.

Information about the article

The article was submitted 12.02.2023; approved after reviewing 24.03.2023; accepted for publication 26.03.2023.